

Идилля ДЕДУСЕНКО

Легенды сегого Маньча

Идиллия Дедусенко

Легенды Седого Маныча

«Автор»

Дедусенко И.

Легенды Седого Маныча / И. Дедусенко — «Автор»,

ISBN 978-5-457-42119-6

Необычный цвет у воды Манычского озера, иной раз кажется, что она покрыта сединой. Это оттого, что многое повидало оно на своем веку. На берегу лежит большой плоский камень, на нем кривыми буквами высечены слова: «Здесь похоронен Митя». Как он тут оказался? И почему на хутор каждый вечер с печальным криком прилетает белая чайка, а в степи на солончаках вырос островок незабудок? Кто посадил посреди пшеничного поля дерево и как спастись от чар степной царицы? У каждой легенды своя подлинная история, но все они рассказывают о любви.

ISBN 978-5-457-42119-6

© Дедусенко И.

© Автор

Содержание

Поединок у озера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Идиллия Дедусенко

Легенды Седого Маныча

Поединок у озера

Солнце клонилось к Манычу, когда на хуторской дороге появились двое. Досужие бабки, сидящие на завалинках, узнали в парне Дмитрия, который полгода назад ушел в отряд красного командира Апанасенко. А с ним шла молодая женщина. Такая красивая... просто икона, да и только! Но, видать, с характером. Митя потом говорил, что казачку с Дона взял себе в жены.

Хуторянам не раз случалось ходить по степи, любуясь колокольчиками, васильками, ромашками, одуванчиками. Хороши они, а выделить какой-нибудь цветок трудно. Но вот вспыхнет среди зеленой травы алый мак – так и потянет к нему, как тянет к яркой красоте еще никем не разгаданная сила.

Наверное, то же самое испытывали и хуторяне при виде Митиной жены. А она, снова проводив мужа в армию, редко показывалась на улице, особенно с тех пор, как схоронила свекра и осталась вдвоем со свекровью. Когда же проходила по улице, хуторские соперницы завистливо смотрели ей вслед и судачили:

– И так, почитай, мужиков на хуторе не осталось, так она остальных изведет, все по ней сохнут.

А казачка шла, высоко подняв голову, строгая и недоступная. Однажды вечером подстерег ее старший сын богатого мужика Саватеева. У этих Саватеевых уже немало греха на душе было. Стал он на дороге, ровно каменный столб, и говорит:

– Ты что же это нас, своих же хуторян, чураться? Или мы хуже твоего Митьки?

Как глянула она на него своими черными очами – будто пригвоздила к дороге. Он-то не из робких был, но потом сказывал, что у него враз руки и ноги занемели от ее взгляда. А она спокойно так отвечает:

– Свои сейчас кровь за народ проливают, а вы плетни подпираете.

Обошла его не торопясь и поплыла лебедем дальше.

На хуторе снова, уже в который раз, было безвластие. Бои шли по другую сторону Маныча. За день до этого прошли через хутор красноармейские части, двинулись к Царицыну. Бабы высыпали из домов с кувшинами молока, с кусками сала, хлеба... Несли у кого что есть. Каждая думала ненароком со своим мужиком свидеться, только не оказалось в тех колоннах хуторских.

Митина жена дольше всех стояла при дороге, глядя вслед уходящим колоннам, пока не осело последнее облачко пыли, поднятой солдатскими сапогами. Стояла и ждала неизвестно чего, словно чувало что-то ее сердце. Ветерок трепыхал концы роскошного платка, подаренного ей мужем.

Платок тот был на зависть всем хуторским бабам. Одна саватеевская невестка торговалась с солдаткой, золотой перстенок с бирюзой за него предлагала. Не отдала! Мужнин подарок, сказала, дороже всякого золота.

Неспокойно стало на хуторе. Бои придвинулись ближе, уже были слышны выстрелы. К вечеру пришли белогвардейцы с обозом. Митина жена несколько дней на улице не показывалась, а однажды в сумерки постучала в окошко к саватеевской невестке, той самой, что платок хотела перекупить. Удивилась баба: такая гордячка и вдруг сама пришла! Опустила глаза казачка и говорит:

– Коли не передумала платок брать, на вот... Только не за кольцо, а за продукты.

Баба смотрит и диву дается. Видать, совсем оголодала молодка, если с дорогим сердцу подарком расстаётся, и не за золото, а за кусок сала и каравай хлеба. Взяла платок, вынесла ей щедро за него. Казачка завернула все в фартук и унесла.

А в ту пору на дворе оказался белогвардейский офицер, что был у Саватеевых на постое. Поразила его красота молодки. Долго смотрел ей вслед, как завороченный. Потом стал расспрашивать у хозяев, кто такая.

– Тут не подступиться, – сказали ему. – У нее гордости на семерых хватит. Да и замужняя она, ее Митька против вас в Красной Армии воюет.

Офицер ничего больше не спросил и не сказал. Только на другой вечер пошел на край хутора, где стояла Митина хата. Постучал деликатно в окошко, потом вошел. Сам красивый, форма нарядная и сабля на боку. В горенке увидел давешнюю молодку, сидит она за столом и что-то вяжет. Всегда такая гордая и смелая, а тут ее будто подменили. Глаз от спиц не поднимает, держится за них, словно утопающий за соломинки.

– Что же ты так плохо гостя встречаешь? – обиженно спрашивает офицер.

Казачка, не поднимая глаз, отвечает:

– Какие нынче гости? Угощать нечем.

– Мне угощения не надо, – говорит офицер. – Я не за тем сюда пришел. Красотой твоей хочу полюбоваться, поговорить с тобой.

– Мы не ученые, не умеем с благородными людьми разговаривать, – отвечает казачка, а сама все вяжет.

– Да брось ты работу, взгляни на меня хот раз, – сказал офицер, взял у нее из рук вязание и положил на стол.

Тут она и подняла глаза – будто два всполоха ожгли офицера. Прямо застыл он от ее взгляда и красоты. Долго стоял так офицер, не смея шевельнуться и не находя слов, чтобы выразить свое восхищение. Потом пришел в себя и говорит:

– Русские дворяне всегда умели ценить красоту. Зачем тебе прозябать на хуторе? Кого ты ждешь? Мужа? Мне рассказывали о нем. Уже почти год от него вестей нет. Он или бросил тебя давно или покоится уже в могиле. Я через день уезжаю в Одессу, тебя с собой заберу. Помни, что власть сейчас наша. Собирайся, завтра за тобой приду.

Свекровь со страху только сильнее головой затрясла, а молодайка стояла, как вкопанная, смотрела на офицера горящими глазами и молчала. Офицер обернулся на нее еще раз с порога и вышел. Заскрипели ступеньки на крыльце, потом хлопнула калитка. Тут опомнилась казачка и говорит свекрови:

– Что делать, маманя? Готовьте харчей в дорогу. Уходить нам с Митей надо немедленно. Открывайте подпол.

Отодвинули они стол, открыли крышку над подполом, оттуда Митя выбрался, стал по хате сновать, испытывать ногу. Оказывается, он в бою за Манычем был ранен, еле ночью до хаты добрался, когда уж белогвардейский обоз в хутор зашел. Это для него жена платок на продукты обменяла. Слышал он все, что офицер говорил. Рана уже затянулась, но на ногу ступать еще было больно. Но что делать? Надо уходить.

Забегала красавица по хате, собирая все необходимое в дальнюю дорогу. И вдруг распахнулась дверь – на пороге стоял недавний гость с револьвером в руке. Он смерил Митю холодным взглядом, спросил:

– Муж?

– Муж! – с вызовом сказала казачка. – Не бросил он меня и не сгинул! Раненый он. Сердце-то у вас есть?

– Сердце?

Офицер постоял минуту в раздумье, потом, словно обрадовавшись чему-то, улыбнулся, примирительно сказал, глядя на Митю:

– Ну, вот что. Я никого здесь не видел. Только чтоб тебя через минуту не было.

Красавица, перехватив его многозначительный взгляд, побледнела и тяжело опустилась на лавку.

– Не стоит так переживать, – утешал ее офицер, – ведь я дарю жизнь твоему мужу. И тебе тоже.

– Жизнь без Мити? – закричала она и вскочила. – А на что она мне, такая жизнь?!

– О, – восхитился офицер, – какая верность. Похвально, похвально. Ну, вот что... Я не варвар, но по закону военного времени должен доставить пленного в штаб или убить на месте... при попытке к бегству.

– Ну, стреляй! – закричал Митя и застонал, ступив на раненную ногу.

– Я в безоружных не стреляю, – высокомерно сказал офицер. – Будем биться на саблях. Где твоя сабля? Бери ее и пойдем к озеру. Это будет честный поединок. Или ты боишься?

– Я боюсь? Да я в бою один на пятерых шел, – сказал Митя, вынул из-за пачки саблю и вышел с офицером.

Мать с криком метнулась следом, да упала без сознания. Невестка кинулась к ней, стала приводить в чувство. Долго возилась, пока старушка глаза открыла, и думала: что сейчас на озере, как там ее Митя, ведь раненый, выдюжит ли против офицера? И сердце падало, как в пропасть.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге, тяжело дыша, стоял офицер. В одной руке у него была сабля, залитая кровью, в другой – Митина шапка, порубленная в клочки. Казачка сделала бледнее мела, а сердце у нее словно льдом обросло. На какой-то миг застыла, окаменев от предчувствия страшной беды.

– Это был честный поединок, – сказал офицер и бросил саблю с шапкой на стол. – Я не виноват, что он слабее меня оказался... Теперь ты свободна. Верность, долг – тебе не помеха. Собирайся, поедешь со мной.

Казачка очнулась от оцепенения, медленно подошла к столу, бессильно уронив руки. Потом подняла на офицера глаза, и на какую-то секунду они вспыхнули тем огнем, который так завораживающе действовал на всех.

Она и сама не поняла сначала, что произошло. Когда у нее чуть-чуть посветлело в глазах, увидела на полу труп офицера, а в своей руке – его саблю, по которой струилась свежая кровь. Крепко зажав ее, молодая вдова вышла на тропинку, ведущую к Манычу. На берегу озера она нашла Митю. Он лежал на спине и широко раскрытыми глазами смотрел в небо.

При свете луны вырыла жена ему саблей могилу. Потом втащила на невысокий холмик большой шершавый камень, лежавший неподалеку, высекала на нем саблей, как умела: «Здесь похоронен Митя». И ушла в степь. Больше ее никто не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.